

ИСТОРИЯ
КРЕСТОВЫХ
ПОХОДОВ

Екатерина Монусова

История Крестовых походов

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281712
История Крестовых походов: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17 065088-0, 978-5-9725-1730-5*

Аннотация

Говорят, термин «дедовщина» появился в те далекие времена, когда будущих рыцарей их старшие товарищи подвергали всевозможным испытаниям – дабы подготовить к тяготам будущей походной жизни. «Учебные странствия юной Европы на Восток» унесли жизни десятков тысяч паломников в латах. Удалось ли им, как и было обещано, быстрее попасть в рай – история умалчивает. Но, так или иначе, они сложили свои головы в том самом месте, где Земля встречается с Небом, – а значит, именно сюда и лежит наш путь, который с легкой руки историков мы привычно зовем Крестовыми походами...

Как получилось, что, отправляясь карать неверных, доблестные рыцари потопили в крови самый христианский из всех городов? Как колдунья Мелузина помогла султану одолеть непобедимую рыцарскую армию? Почему море так и не расступилось перед участниками детского похода? Куда исчез из покоренного крестоносцами Монсегюра Священный Грааль? И почему ученые до сих пор спорят, чем являлись походы

западноевропейцев на Восток – воплощением кровавого разгула или высокой духовной миссией?

Об этом и многом другом – в книге Екатерины Монусовой «История Крестовых походов».

Содержание

Вступление	5
«...И город стал для них гробницей...»	9
Клермонский набат	9
Кукупетр из легенды	19
Хождение по мукам	31
«Наши гнали и убивали сарацин до самого Храма Соломонова...»	41
Начало	41
Антиохия, или Песнь о Танкреде	56
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Екатерина Монусова

История

Крестовых походов

Вступление

Когда итальянский юноша Лука Ди Мауро поступил учиться в высшую школу в Пизе, он сполна узнал, что такое дедовщина. Всю ночь старшекурсники крутили для «новобранцев» эйзенштейновского «Александра Невского», при малейшей попытке заснуть направляя в глаза луч фонарика. Потом был устроен экзамен «с пристрастием», на котором измученных зрителей гоняли по всем деталям картины. А в довершение был выбран тот несчастный, кому предстояло выучить наизусть монолог героического князя и рассказать его без единой запинки. И вот, в очередной раз, дойдя до слов «Киев, Владимир, Рязань», он вместо «Рязань» неожиданно даже для самого себя произнес «Рио-Бланка». В тот момент его были готовы побить не только «старички», но и свои – ведь из-за этой роковой ошибки им предстояло просмотреть советский киношедевр с самого начала...

Откуда пошла эта странная традиция, Лука не знает. Термин «дедовщина» вполне итальянского происхождения – в

этом языке он звучит как «il ponnismo» – от слова «понно», дед. Говорят, он появился в те далекие времена, когда будущих рыцарей их старшие товарищи подвергали всевозможным испытаниям – дабы подготовить к тяготам будущей походной жизни. Жизнь крестоносцев и впрямь была нелегкой. «Учебные странствия юной Европы на Восток» унесли жизни десятков тысяч паломников в латах, которые, как писал немецкий хронист Эккехард из Ауры, «отказываясь от собственного имущества, с жадностью устремлялись к чужому». Впрочем, такой взгляд на Крестовые походы был скорее свойствен советским историкам. Когда речь заходит о походах в Святую землю, скорее придет на ум Булат Шалвович Окуджава: «В Иерусалиме небо близко...»

Надо сказать, что жители Средневековья так и считали. Земной Иерусалим был, по их представлениям, самым высоким местом, ибо располагался ближе всего к Иерусалиму Небесному, более известному нам как Царствие Небесное. Умерший здесь быстрее попадет в рай, а тот, кому суждено выжить, навек исполнится божественной благодати. С этой мыслью в сердце сюда плыли, скакали, шли, а порой и ползли те, кого мы не без оснований называем Христовым воинством – перефразируя Маяковского, «с Иисусом в башке и с хоругвью в руке». Разумеется, хоругви не были их единственным оружием – вот почему ученые до сих пор спорят, чем являлись походы западноевропейцев на Восток: воплощением кровавого разгула или духовной миссией. Француз-

ский исследователь Пьер Виймар утверждает, что они «представляют собой одно из самых головокружительных и привлекательных авантюр мировой истории и средневековой истории в частности».

Впрочем, большинство рыцарей понятия не имели о том, что они шли именно в крестовый поход. Это выражение встречается в современных им источниках всего один раз – на исходе XIII века. Тогда говорили «странствовать по стезе Господней», «отправиться в Святую Землю» или попросту «принять крест». Их крест – пять золотых крестов на серебряном фоне, знаменитый герб Готфруа Бульонского, освободителя Иерусалима. «Церковь, – напишет позже Томазо Кампанелла, – родилась в Иерусалиме и обратно в Иерусалим возвратится, обогнув весь мир».

Соотечественник моего юного друга Луки уже в XVI веке разрабатывал план нового крестового похода – но, как и прочим его утопическим идеям, этому плану не суждено было сбыться. И доблестные крестоносцы, перепав пески Палестины, прошагав через всю Европу и испробовав на себе крепость льда Чудского озера, канули в Лету. А их крест по-прежнему называют иерусалимским: большой обозначает Христа, четыре маленьких – четырех евангелистов, несущих его учение в четыре стороны света. Пять крестов вместе – раны Спасителя. Он получил их в том самом месте, где Земля встречается с Небом, – а значит, именно сюда и лежит наш путь, который с легкой руки историков мы привычно

зовем Крестовыми походами...

**«...И город стал для
них гробницей...»
Крестовый поход бедноты
Апрель—октябрь 1096**

Клермонский набат

...То был «не холм, не бугор, не горка – а огромная гора, необыкновенная по высоте и толщине, курган из костей. Позднее люди... воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, заложили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями...».

Нежные пальцы, осененные золотыми перстнями самой изящной работы, отложили перо. Окончена еще одна глава «Алексиады» – длинной летописи славных деяний и горьких поражений Алексея Комнина, императора византийского. День за днем затейливое кружево слов плела его родная дочь с красивым именем Анна, что означает «благодать». Она и сама была хороша собой – алые губы, огромные сияющие глаза, роскошные волосы, фигура, подобная кифаре...

Но в миловидном девичьем обличе читались мужественные черты ее отца. Немало лет минуло с тех пор, как в начале декабря 1083 года император, отвоевав у норманнов крепость Касторию, вернулся в Константинополь. Он застал жену в родовых муках – и вскоре, «ранним утром в субботу у императорской четы родилась девочка, как говорят, очень похожая на отца»... Так о своем рождении напишет она сама. А еще о том, как в колыбели была обручена со своим дальним родственником Константином Дукой – сыном императора Михаила VII и Марии Аланской. Согласно византийскому обычаю, девочка воспитывалась в доме матери жениха и готовилась стать императрицей (Константин был усыновлен Алексеем и после его смерти должен был сесть на престол). Однако неожиданно-негаданно у императора появился собственный сын Иоанн – а отринутый Константин вскоре умер...

Так Анна на всю жизнь и останется византийской принцессой. Нет, участь старой девы ей не была суждена. И хотя в прологе собственного завещания она напишет, что, мол, всегда стремилась к непорочной жизни, и что ее брак с Никифором Вриеннием был заключен лишь в угоду родителям – судя по всему, это супружество оказалось вполне счастливым. Столь же удачно сложилась и ее писательская судьба. Хроники Анны сколь точны с исторической точки зрения, столь и поэтичны – хотя увлечения дочери поэзией не одобряли ни император, ни императрица. Философия, риторика

– иное дело! А чему могут научить неопытную душу произведения античных поэтов, описывавших *«пылающих страстью богов, обесчещенных девушек, похищенных юношей»?*.. Подобная поэзия *«опасна для мужчин и зловредна для женщин и девушек»*, как писал видный византийский вельможа Лев Торник. И Анна, тайно бравшая уроки поэзии у дворцового евнуха, лишь сделавшись замужней дамой, продолжила свои занятия – уже в открытую. Однако из-под ее пера выходили отнюдь не полные романтических вздохов любовные сюжеты. Похоже, ее главной любовью стал могущественный правитель Византии. Виртуально следуя за отцом буквально по пятам, Анна создала столь полную летопись своего времени, что превзойти ее не сумел ни один из живших тогда хронистов.

Разумеется, она не смогла обойти своим вниманием и такое важнейшее событие средневековой истории, как Первый крестовый поход. О нем подробно повествуют X и XI книги «Алексиады». Ничего удивительного здесь нет – не кто иной, как царственный родитель Анны, заложил «краеугольный камень» в почти двухвековую историю крестоносцев на Востоке. Это он в 1095 году, не в силах более противостоять в одиночку ордам турок-сельджуков, обратился за помощью к римскому папе. Урбан II, встревоженный судьбой детей Христовых, созвал во французском Клермоне церковный собор, на который собрались 200 епископов, 14 архиепископов и 400 аббатов. Это внушительное собрание церковных

иерархов постановило «ради освобождения Гроба Господня в Иерусалиме», пять веков томившегося под игом неверных, организовать экспедицию. Папа произнес знаменитую речь, которой по традиции историки предваряют рассказ о Крестовых походах. Она прозвучала под открытым небом, на площади Шан-Эрм (ныне она зовется Шампе), поскольку гигантскую толпу не вместила бы ни одна церковь. Речь его святейшества дошла до нас в трудах многих хронистов — но лишь один из них, Фульк Шартрский, слышал ее своими ушами.

«Возлюбленные братья!

Побуждаемый необходимостью нашего времени, я, Урбан, носящий с разрешения Господа знак апостола, надзирающий за всей землей, пришел к вам, слугам Божьим, как посланник, чтобы приоткрыть Божественную волю.

О, сыны Божьи, поелику мы обещали Господу установить у себя мир прочнее обычного и еще добросовестнее блюсти права церкви, есть и другое, Божье и ваше, дело, стоящее превыше прочих, на которое вам следует, как преданным Богу, обратить свои доблесть и отвагу. Именно необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку ваших братьев, проживающих на Востоке, о чем они уже не раз просили вас. Ибо в пределы Романии вторглось и обрушилось на них, о чем большинству из вас уже сказано, персидское племя турок, которые добрались до Средиземного моря, именно до того места,

что зовется рукавом Святого Георгия. Занимая все большие и большие христианских земель, они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали и позабирали в полон, разрушили церкви, опустошили царство Богово. И, если будете долго пребывать в бездействии, верным придется пострадать еще более.

И вот об этом-то деле прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых, – и не я, а Господь, – чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из пределов наших земель. Я говорю (это) присутствующим, поручаю сообщить отсутствующим, – так повелевает Христос...»

Папа говорил – а народ, все более и более воодушевляясь, приветствовал его слова восторженным гулом. «Deus lo volt!» – «Так хочет Бог!» Эти слова, многократно подхваченные, казалось, разнеслись по клермонскому плоскогорью, эхом отозвавшись во всех уголках Европы, от Средиземноморья до Балтии...

«Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено Богом... Пусть носит каждый изображение креста Господня на челе или на груди. Тот же, кто пожелает, дав обет, вернуться, пусть поместит это изображение на спине промеж лопаток...» Первым, кто принял крест из рук папы, был Адемар Монтейский, его до-

веренное лицо, и епископ Пюи. В те времена собор Богоматери этого маленького городка, спрятанного среди вулканических скал, был для верующих поистине культовым местом. «Salve Regina» – это знаменитое песнопение впервые слышали босоногие паломники, стекавшиеся сюда из всех уголков Франции. Только что отстроенный собор Пюи был огромен. А за несколько месяцев до клермонских событий в одной из его величественных стен была кирками пробита брешь. Ее расширили и задрапировали тяжелыми алыми занавесями. Этот необычный вход епископ Монтейский приказал проделать для самого именитого паломника – главы христианского мира, дабы заделать его тотчас после отбытия гостя. Там, где ступала нога наместника Христа, не должна пройти ни одна живая душа...

«В XI веке папа римский, без сомнения, пользовался престижем, сильно отличающимся от того, каким обладает его преемник в наши дни, – пишет в своей книге „Крестоносцы“ известный французский историк Режи́н Перну. – В те дни его визиты, особенно во Францию, не были из ряда вон выходящим событием: все население испытывало к нему чувства, близкие родственным, что сегодня стало привилегией римских горожан. Еще не были введены торжественные церемонии и знаки отличия, выделявшие папу времен Ренессанса: еще нет ни Sedia, ни папской тиары (которую станут носить с XIII века). Люди, сбегавшиеся к дорогам, по которым следовал папский кортеж, видели, как он

едет верхом или на носилках в окружении прелатов и клириков. Его бесконечные разъезды по дорогам Запада способствовали тому, что он стал близким всему христианскому миру.

Что касается Урбана II, то обстоятельства благоприятствовали росту его популярности. Во-первых, он был французом – его речь и лицо, выдающие в нем уроженца Шампани, усиливали к нему симпатию народа. В толпе с одобрением замечали, что он был одним из тех монахов, которых его недавний предшественник, энергичный Григорий VII, извлек из монастырей, чтобы добавить духовенству свежей крови, обновив, таким образом, коррумпированный епископат, и, главное, приобщить к реформаторскому труду. Он сам положил начало реформам, выступив, невзирая на сопротивление князей, прелатов и самого императора, против торговли церковными бенефициями, симониальных священников и обычая магнатов назначать своих любимцев во главе аббатств и церковных епархий...»

Неменьшим почтением у верующих пользовался и Адемар Монтейский, бывший рыцарь, снискавший к себе уважение еще на поле брани. После торжественной службы в соборе Пюи оба священнослужителя долго совещались, уединившись от досужих взоров. А наутро во все концы страны полетели гонцы с папским приглашением к аббатам и епископам явиться в воскресенье, 18 ноября на собор в Клермоне. В День святого Мартина в главном храме (а всего в Клер-

моне тогда насчитывалось более 50 церквей) собралась величественная ассамблея. Все верные папе служители Бога были здесь. Перну рассказывает о немощном старике Пибоне, который, дабы добраться до места высокого собрания из своего епископства, пересек добрую половину страны. Почтенный возраст не остановил и жюмьежского аббата Гонтрана, который и вовсе умер во время собора. Он прибыл в Клермон вместе с братом Вильгельма Завоевателя, Эдом де Контевилем, тремя десятилетиями ранее отличившимся в знаменитой битве при Гастингсе. Впрочем, событие, участником которого ему предстояло стать в ноябрьские дни 95-го, окажется для судеб человечества не менее значимым. Жаль, никому не пришло в голову выткать по этому поводу ковер, подобный знаменитому гобелену из Байе, отразившему наиболее значимые эпизоды Гастингского сражения. Думается, рукотворным отображением приключений доблестных рыцарей Христовых в Святой земле, вполне можно было бы опоясать стены Иерусалима...

Собору предстояло обсудить огромное количество судьбоносных вопросов. Для начала уточнили продолжительность всех четырех постов, а также окончательно и бесповоротно запретили служителям церкви посещать таверны. Затем папа своей высшей властью подарил преступникам возможность искать спасения у придорожного креста – тот, кто, убегая от правосудия, уцепится за него, получал неприкосновенность. В завершение собор торжественно отлучил от

церкви короля Франции Филиппа I – за то, что тот бросил свою супругу и отобрал жену у графа Анжуйского.

Последним пунктом стала речь папы. Он произнес ее утром 27 ноября – с трибуны, специально возведенной для этой цели. Всем, кто отважится на богоугодный подвиг во имя освобождения Гроба Господня, было обещано отпущение грехов. Слово «индульгенция» не было озвучено, но отныне его призрак будет витать над верующими, многие из которых и по сей день убеждены, что один факт покаяния способен резко сократить время их пребывания в чистилище. Во времена Урбана II «искупление» назначал священник исходя из тяжести проступка. Как правило, это был продолжительный пост или паломничество. В данном случае, паломничество в Святую землю под стягом борьбы с неверными было абсолютно добровольным, а стало быть, обжалованию не подлежало.

«Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути, или на море, или в сражении против язычников, отныне да отпускаются ему грехи. Я обещаю это тем, кто пойдет в поход, ибо наделен такой властью самим Господом...

Пусть выступят против неверных, пусть двинутся на бой, давно уже достойный того, чтобы быть начатым, те, кто злонамеренно привык вести частную войну даже против единоверцев, и расточать обильную добычу. Да станут отныне воинами Христа

те, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются теперь против варваров те, кто в былые времена сражался против братьев и сородичей. Нынче пусть получают вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть увенчает двойная честь тех, кто не щадил себя в ущерб своей плоти и души. Те, кто здесь горестны и бедны, там будут радостны и богаты; здесь враги Господа, там же станут ему друзьями.

Те же, кто намерены отправиться в поход, пусть не медлят, но, оставив собственное достояние и собрав необходимые средства, пусть с окончанием зимы, в следующую же весну устремятся по стезе Господней...»

Так передает речь папы Фульк (или Фульхерий) Шартрский. А вот автор другого ее изложения, Роберт Монах, свидетельствует, что все свое красноречие Урбан направил на сравнение сказочных богатств Востока и вопиющей нищеты западного мира. По его версии, призывая рыцарей к священной походу, папа слегка лукавил – ведь во главу угла он ставил не небесные, а вполне земные блага. Однако его коллега из Шартра для исследователей всего мира – наиболее ценный свидетель, ибо знаменитое «выступление с броневика» он слышал лично. Будем и мы придерживаться его трактовки, уверившись в том, что его святейшество, подобно всем известному Рыцарю Печального образа, был преисполнен только самых высоких намерений.

Кукупетр из легенды

Что ж, раз есть Дон-Кихот – должен быть и Санчо Панса. И таковой нашелся. Звался он Петром и передвигался верхом на осле. И – если имя папы Урбана II сделалось достоянием вполне официальных исторических хроник, то Петр Отшельник еще при жизни вошел в легенду. Чего только о нем не рассказывали и не писали!

«Он обходил города и села, повсюду ведя проповедь, и, как мы видели, народ окружал его такими толпами, его одаряли столь щедрыми дарами, так прославляли его святость, что я не помню никого, кому бы когда-нибудь были оказываемы подобные почести, – рассказывает знавший его лично историк Гвиберт Ножанский. – Петр был очень щедр к беднякам, раздавая многое из того, что дарили ему. Он возвращал мужьям их жен, утративших честь, присовокупляя к этому дары; он восстанавливал мир и согласие между поссорившимися, с изумительной властью. Все, что он ни делал, ни говорил, обнаруживало в нем Божественную благодать».

Несмотря на свет божественной благодати, церковь не канонизировала Петра. Зато народная молва возносила его в поистине заоблачные выси! Скромный маленький человечек в одночасье перевоплощался то в рыцаря самого благородного происхождения, то в видного ученого, то в наставника

юного князя Готфруа Бульонского, будущего иерусалимского короля. Местом его рождения делали то Францию, то Испанию, то Румынию, а то и вообще Сирию.

Петр Отшельник (Пьер Амьенский) указывает кресто-

носцам путь на Иерусалим

«Вообразим, что он похож на изображение паломника на сводах крипты Тавана – его современника – в тунике с остроконечным капюшоном, подпоясанный тесьмой; Гвиберт Ножанский уточняет, что он носил тунику и капюшон из грубой шерстяной ткани, плащ, ниспадающий до пят; он всегда передвигался босиком, без обуви и чулок; был небольшого телосложения; греки называли его Кукупетром, то есть сокращенно – мальшом Петром; в песнях о крестовом походе он наделен седой бородой, но эта деталь не более правдоподобна, чем борода великого императора, пишет Роже Перну. Напротив, его осел вошел как в историю, так и в легенду: Гвиберт рассказывал, что слушатели проповедника выдергивали из него шерсть на реликвии. Как бы ни обстояло дело, красноречие Петра имело над зачарованными толпами огромную власть. Пожалуй, это единственное, что можно точно утверждать, просматривая горы литературы, совершенно затмившей саму личность этого маленького человека. Заново открыть Петра смог только ученый Хагенмайер. Нам же, чтобы понять всю значимость этого человека, нужно вспомнить, что представляло собой проповедование в Средние века.

В то время проповедь читалась не перед людьми, сидящими в замкнутом пространстве. Средневековых проповедников можно сравнить с ораторами, собирающимися по воскресеньям в Гайд-

парке, или же с воззваниями аббата Петра на площади Пантеона. В Средние века проповедовали повсюду – не только в церквах, но и на уличных перекрестках, площадях, рынках. Ярмарочные поля были излюбленным местом выступления бродячих проповедников, равно как и поэтов, декламирующих собственные произведения, и вокруг них толпился народ точно так же, как в наши дни собираются вокруг газетчиков или бродячих музыкантов. И эта толпа неравнодушна – она задает вопросы, шепчется, выкрикивает, аплодирует. Крестовый поход бедноты – это знаменательное событие. Он ярко показывает, что можно ожидать от одаренного проповедника, обладающего властью над толпой, готовой пуститься за ним в путь...»

Ученому вторит уважаемый средневековый историк Гильом Тирский. По его мнению, именно этот небольшой человек, а вовсе не папа римский явился идейным вдохновителем беспрецедентного движения масс, известного нам под именем Крестовых походов.

«...Рассказывали, что из многих земель паломники стекались в Иерусалим. Среди них был один, который пришел из французского королевства и родом был из Амьена, по имени Петр, живший в одиночестве в лесу; потому-то и прозвали его Петр Отшельник. И был он небольшого телосложения и весьма тщедушным с виду, но дивным из-за великого сердца и светлого ума, говорил же он очень складно. И вот пришел он к воротам

Иерусалима, заплатил пошлину и вошел в город.

И прослышал он, что патриарх города был весьма достойным человеком и очень благочестивым; звали его Симеон. И задумал Петр отправиться побеседовать с ним и расспросить его о положении церкви, духовенства и народа. Как и решил, Петр пришел к нему и спросил об этих вещах. Патриарх тотчас по его словам и поведению распознал, что перед ним человек богобоязненный и мудрый, и поведал ему обо всех бедствиях христиан.

Когда Петр услышал такие речи из уст столь достойного человека, то не смог удержаться, чтобы не вздохнуть горестно и не лить слезы из сострадания, спрашивая патриарха, что можно посоветовать об этом деле и как поступить. Этот же достойный человек ответил ему так: „Брат Петр, Господу нашему, если Он того захочет, хватит наших стенаний, слез и молитв. Но мы знаем, что наши грехи еще не прощены и Господу есть за что на нас гневаться. Но молва бежит в этом краю, что за горами, во Франции, есть народ, называемый франками, и все они добрые христиане, и поэтому Господь наш даровал им великий мир и огромное могущество.

Если же они сжалются над нами, то пусть молят Господа нам помочь или держат совет, как это сделать, мы же надеемся, что Господь пошлет их нам в подмогу и явит им свою милость, чтобы они могли исполнить наш труд, ибо вы видите, что от греков из константинопольской империи, наших соседей

и родичей, мы не получаем ни совета, ни помощи, поскольку они сами повержены и не могут защитить свои земли“.

Когда же Петр услышал это, то ответил следующим образом:

„Правда в том, что вы говорили о земле, откуда я родом, ибо, благодарение Иисусу Христу, там вера в Господа нашего поддерживается и сохраняется лучше, чем в других странах, через которые я проходил по пути из своих краев, и я знаю наверняка, что если они (франки) проведуют о тяготах и рабстве, в которых эти нечестивцы вас содержат, то, по велению Господа и своей доброй воле, окажут вам совет и помощь в вашем деле. Как (свершить это) я вам поведаю, если вы посчитаете мои слова разумными, не откладывая направьте послания к нашему сеньору папе и Римской Церкви, королям, князьям и родичам с Запада, уведомив их, что вы просите милосердия, дабы они ради Господа и веры Христовой помогли вам таким образом, чтобы и Господу была от этого честь, и их душам польза. А поскольку вы бедные люди и не можете позволить себе большие траты, уверяю, что я подхожу для столь великой вести и ради любви Господа и отпущения собственных грехов готов пуститься в путь и выполнить это дело. Обещаю вам, что, если Господь доведет меня до тех мест, поведать им в точности, как обстоят дела“.

Когда патриарх услышал это, то весьма возрадовался и, послав за самыми важными людьми

из христиан, поведал им об одолжении и помощи, которые этот почтенный человек предложил. Те же очень обрадовались и его благодарили. Без промедления написали письмо и вручили ему, скрепив своей печатью».

Утверждают, что вскоре после этого Петр задремал в церкви Святого Гроба Господня. В этом сне явился ему Господь – и повелел идти в Рим, чтобы просить папу помочь отвоевать Святую землю...

Надо сказать, что сон Петра Отшельника – далеко не единственное доказательство того, что крестовому походу предстояло стать предприятием Божеским, а не человеческим. Многим в те дни являлись Христос и Дева Мария, апостолы и святые. Позже немецкий аббат-хронист Эккехард из Ауры даже составил длинный каталог чудес, имевших место накануне похода. То плыли с запада на восток, а затем сталкивались между собою кровавые облака, то по небу проносились невесть откуда взявшиеся кометы, то в вышине раздавался грохот невидимой битвы... С неба падали таинственные грамоты – как доказательство того, что Господь готов взять под защиту своих ратников (Эккехард утверждает, будто сам держал в руках такое послание). Иные *«показывали знак креста, сам собою, божественным образом отпечатавшийся на их лбах или одежде или какой-нибудь части тела»*. Один кюре рассказывал всем о двух рыцарях, сражавшихся в воздухе; разумеется, победил тот, в чьих руках был крест. И над

всем сиял, аки солнце, небесный град, центр Земли обетованной, имя которому было Иерусалим...

Итак, следуя указанию свыше, Петр отправился в Рим. Впрочем, не исключено, что никакого папу он ни о чем не просил, – ведь для того, чтобы двинуться на Восток, ему вполне хватало собственных «фанатов». И пока Святой престол собирал под знамена баронов, неутомимый Отшельник, оседлав любимого осла, уже двинулся в путь во главе огромной толпы простолюдинов. Времени на сборы крестьянам отпущено не было – костлявый призрак голода бродил по деревням.

«Никто... не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей, – вспоминает очевидец. – Каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал как будто все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателями, лишь бы не вступить последним на стезю Господню... как будто он находился в жестоком рабстве или был заключен в темницу и дело шло о скорейшем выкупе».

О том, насколько спешили бедняки поскорее двинуться навстречу неведомой опасности, пишут многие хронисты. Опьяненные призраком сказочного Востока, одурманенные сладкоречивыми проповедями, исполненные решимости увидеть Гроб Господень прежде своих сеньоров, крестьяне грузили скудный скарб, брали в охалку жен и детей

и отправлялись в путь. У них не было лошадей, лишь самые удачливые впрягали в повозки подкованных бычков. Вооружались наспех: косами, топорами, вилами – и, конечно, крестами. Самые неистовые выжигали кресты прямо на теле. «Безоружные толпы», как назовет их Анна Комнина, шли отовсюду: из Северной и Центральной Франции, Фландрии, Лотарингии, с Нижнего Рейна и даже из Англии – по дорогам паломников, на ю г. Стоял март 1096 года.

«Поход простолюдинов, пустившихся в путь, чтобы отвоевать свою возлюбленную отчизну, – событие единственное в своем роде, хотя в истории полно всяких исходов, миграций, завоеваний, – читаем у Перну. – И то, что не было более движения, даже в период революций, в котором народ принимал бы столь живое участие, дает нам ключ к разгадке „тайны“ Петра Отшельника. Не то чтобы он был, как утверждают некоторые ученые, „олицетворением“ народа, но его поход, в отличие от последующих, произошел под влиянием чувства, охватившего всех от мала до велика. В эпоху, когда война была уделом баронов и их приближенных, странно видеть, как неотесанные простолюдины становятся воинами. Это поражало воображение средневекового человека и послужило причиной быстрого превращения истории народного похода в легенду».

Помните ли вы, какая участь постигла героя знаменитой «Песни о Роланде»? Ну, разумеется, помните. Он потерпел

поражение, но, несмотря на это, эпическая поэма о его приключениях до сих пор на устах у всех любителей средневековой героики. («Отличие христианского героя от языческого героя-полубога в том, что христианин взял себе за образец для подражания Христа, распятого за любовь к ближнему», – полагает все тот же Перну.) Нечто подобное произошло и с участниками злополучного похода. Им было суждено проиграть – но в многочисленных «песнях» они предстают романтическими героями, готовыми отдать саму жизнь из любви к Господу. Пленные, они перетаскивают камни на строительстве дворца султана, участвуют в сказочных битвах с пустынными львами и змеями, наголову разбивают турок. Увы, в действительности все было куда прозаичнее...

Во главе нескончаемых обозов Петр Отшельник шел к Константинополю. Утверждают, его бойцы и понятия не имели о том, что за города и веси попадались им на пути. Да и зачем им было это знать? Куда важнее было то, что припасы кончались. И новоявленные крестоносцы грабили всех без разбора. Отбирали хлеб, угоняли скот... Неприкосновенными оставались только гусь и коза, шествовавшие впереди одного из отрядов. Считалось, что и на них снизошла божественная благодать: по свидетельству Альберта Ахенского, им *«выказывали знаки благочестивого почитания сверх меры, и превеликая рать, подобно скотине, следовала за ними, веря в это всей душой»*.

О численности этих отрядов до сих пор ведутся споры.

«Средняя» цифра, выведенная на основе хроник, – 60 тысяч человек. Современные ученые полагают, что на деле в походе участвовало не более 15–20 тысяч христиан. При этом их количество постоянно менялось: кто-то отставал, оседал в понравившемся месте или умирал в пути, а кто-то присоединялся к крестоносной армии, в одночасье возгоревшись от красноречия проповедников. *«Петр как будто покорил все души Божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общій порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа жєницин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд на небе, и на плечах у них были красные кресты. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском двинулись они на нас...»* – напишет Анна Комнина.

Хождение по мукам

Часть отрядов вел некий обедневший рыцарь по имени Вальтер Неимуций. Его войско шествовало в авангарде и первым достигло Венгрии. Здесь доморощенные радетели за Гроб Господень с удивлением обнаружили, что их, в общем-то, никто не ждет – как говорится, «граница на замке». Нет, разумеется, венгерский король тоже недавно стал христианином, и мысль об освобождении Святой земли не могла его не согревать. Но одно дело – мечтать о грядущих подвигах, и совсем другое – пустить в свой огород «козла» в лице десятка тысяч вооруженных мужчин, да еще к тому же и голодных. Состоялись переговоры, в ходе которых Вальтеру Неимуцему удалось-таки убедить противную сторону, что за все съеденное будет с лихвой уплачено, и никто из местных жителей не пострадает. Его величество Коломан открыл границы. Справедливости ради отметим, что данное ему обещание Вальтер сдержал. Даже наоборот – его головорезы не раз становились объектом нападков со стороны местных жителей. Как-то раз, на самой границе с Сербией, в местечке под названием Семлин последние напали на небольшой отряд крестоносцев, отлупили их, ограбили и отпустили восвояси. Скорее всего, этот незначительный эпизод так и забылся бы – но кому-то из остроумцев пришла в голову мысль развесить отобранную одежду на крепостных стенах.

Там она и висела, подобно ярким флагам, до тех пор пока... Впрочем, обо всем по порядку.

Когда войска Вальтера Неимущего достигли Белграда, губернатор, которого забыли предупредить о достигнутых на границе договоренностях, впал в панику. Крепостные ворота наглухо захлопнулись перед неопознанным войском. Что оставалось делать «детям Христовым»? С яростью, поистине достойной лучшего применения, они набросились на окрестные стада. Местные жители не остались в долгу и, загнав группу воров в небольшую церковь, начали закидывать её пылающими факелами. Полторы сотни крестоносцев сгорели живьем. Впрочем, в других местах горожане оказались куда более радушны. В небольшом городке Стралисия (так звалась тогда София) губернатор даже распорядился раскинуть рынок за городской чертой, чтобы уставшие от изнурительных переходов воины могли подкрепить слабеющие силы. Он же отправил гонца к Алексею Комнину, дабы предупредить его, что священный поход уже в разгаре. Император ожидал появления крестоносных войск лишь к зиме, да и весть о не вполне адекватном поведении защитников Гроба Господня его весьма озадачила. Однако, хоть незванный гость и хуже татарина – пришлось готовиться к встрече.

Тем временем чуть поотставшая часть войска, под предводительством Петра Отшельника, наконец, тоже добралась до границ с Венгрией.

На сей раз царь Коломан встретил пришельцев достаточ-

но радушно. Крестоносцы тоже вели себя прилично. Но как на грех на их пути оказался тот самый городок Семлин, стены которого все еще были украшены одеждой их товарищей по оружию. Обноски изрядно вылиняли под солнцем и дождем, но ушлые крестьяне их опознали. Одежки есть, а хозяев нет – стало быть, они убиты! Святая месть!.. То, что произошло дальше, историки называют первым серьезным сражением крестовых походов. По иронии судьбы, произошло оно между братьями по вере. Жертвы были ужасны – несколько сот крестоносцев и четыре тысячи венгров.

После этой стычки мало кто по-прежнему верил в высокую миссию крестоносцев. Похоже, окончательно забыли о ней и сами участники похода. Никто больше не признавал никаких авторитетов. Бесчинствующее «гуляй-поле» катилось по Европе, сметая все на своем пути. Едва услышав об их приближении, крестьяне прятались в горах, унося с собой припасы и уводя скот. Альберт Ахенский повествует, как отряд паломников после очередной ссоры с болгарами подпалил мельницы у Моравского моста. Узнав об этом, местный правитель бросился в погоню и захватил изрядное количество пленников, а главное – сундук, доверху набитый добром. Петр все же сумел собрать изрядно «ощипанных» участников похода и продолжил путь. 8 июля в Софии он принял посланцев византийского императора. Те передали от Алексея оливковую ветвь и выдвинули условие: дабы предотвратить возможность беспорядков, паломникам

запрещалось задерживаться в одном и том же городе более трех суток. *«Самодержец, – писала Анна Комнина, – собрал некоторых военачальников ромейского войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды...»*

С тем Петр и прибыл под стены Константинополя 1 августа 1096 года. На переход от Рейна до Босфора ушло чуть более трех месяцев.

Император Алексей Комнин (мозаика)

Петр горел желанием немедленно продолжить поход. Император возражал: разумнее дождаться остальных войск. О том, что такое конница сельджуков, он знал не понаслышке. Плохо вооруженная разрозненная толпа вряд ли могла противостоять ее мощи. Однако Петр стоял на своем и единственно из своего нетерпения повел людей навстречу гибели – во всяком случае, так утверждает Анна: *«Племя кельтов – вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое – становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится»*. Однако «незаинтересованные» историки намекают на то, что именно император ускорил выступление – поскольку, как пишет Аноним, *«христиане повели себя скверно, захватывая даже свинец, которым были покрыты церкви...»* Тем не менее Алексей приказал, чтобы купцы *«подводили корабли, полные пищи, зерна, вина, масла, ячменя и сыра, и продавали все эти продукты паломникам по справедливой и доброй цене»*. 5 августа императорский флот переправил крестоносцев через Босфор. Под резиденцию им отвели крепость Цивитот на берегу Никомедийского залива, расположенную недалеко от города Еленополя (нынешний Херсек). Там «кельты» и стояли лагерем – совершая хаотичные набеги то на турок, а то и на христианские деревушки.

В конце концов Петр решил атаковать Никею – столицу сельджукского султана Килиджи Арслана. На пути к столице отряд германцев захватил небольшую крепость Ксеригорд.

Турки, узнав об этом, окружили город и полностью отрезали его от воды. После четырех дней невыносимых страданий – многие тогда отреклись от Создателя и обратились к врагу с воплями о помощи – крестоносцам пришлось капитулировать. Тех же, кто не предал своей веры, превратили в живые мишени для тренировок турецких лучников, оставшихся в живых угнали в рабство...

Разумеется, Петр загорелся жаждой мщениия. Шесть грозных колонн, вооружившись всем, что еще осталось, двинулись на Никею – и попали в засаду. Турки выпустили на них тысячи стрел. Из узкой теснины не было выхода, и крестоносцы погибали сотнями. Тем, кто все же убежал и добрался до Еленополя, спастись тоже не удалось. Сельджуки преследовали их по пятам, ворвались даже в храм, заколов прямо на алтаре священника, который только-только начал служить утреннюю мессу. Прямо на лошадях турки заскакивали в палатки и убивали спящих. В живых оставляли одних детей – и то лишь для того, чтобы продать в рабство. Вальтер Неимуций пал, подобно святому Себастьяну, пронзенный без малого десятком стрел...

Лишь благодаря византийскому флоту турки отступили. Уцелевших – около трех тысяч человек – доставили в Константинополь, где несколько лет спустя византийская принцесса и описала все произошедшее на восточном берегу Босфора.

«...Узнав про все, что Петр вытерпел раньше

от турок, император посоветовал ему дожидаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Еленополь. За ним последовало около десяти тысяч норманнов. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но, так как норманны сражались с большим упорством, они после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд.

Султан, узнав о случившемся, послал против них Илхана с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов,

он послал двоих предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт, и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Никее. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом...

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь. Турки снова устроили засаду, чтобы схватить их. Самодержец, получив точные сведения об этом избиении, не мог допустить, чтобы и Петр был пленен. Поэтому он немедленно послал за Константином Евфорвином Катакалоном, о котором я уже много раз упоминала, погрузил на военные корабли большое войско и отправил его через пролив на помощь Петру. Турки, завидев приближение Катакалона, обратились в бегство. Катакалон же, нисколько не медля, взял Петра и его людей, а их было наперечет, и доставил невредимыми к императору.

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагоразумии и о том, что он снова попал в беду, оттого что не послушался его предостережений,

Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а тех, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям, он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де Спасителю и было неужгодно, чтобы они поклонились Гробу Господню...»

Как, видимо, уже понял проницательный читатель, сам Петр остался жив. Позже он возглавит отряды милиции, патрулировавшей улицы Иерусалима, – но это произойдет уже после того, как закованные в броню боевые кони настоящих рыцарей-крестоносцев проторят дорогу к Земле обетованной. Проходя вместе с ними по берегу Никомедийского залива, Фульхерий Шартрский на протяжении всего пути будет видеть груды белых костей, иссушенных солнцем. Это из них, как писала Анна, возведут потом крепостную стену – зловещий памятник неизвестным солдатам бесславного крестового похода.

«Наши гнали и убивали сарацин до самого Храма Соломонова...»

Первый крестовый поход 1095–1099

Начало

«Не было подобного... варвара или эллина во всей ромейской земле – вид его вызывал восхищение, а слухи о нем – ужас. Но опишу детально вид варвара. Он был такого большого роста, что почти на локоть возвышался над самыми высокими людьми, живот подтянут, бока и плечи широкие, грудь обширная, руки сильные. Его тело не было тощим, но и не имело лишней плоти, а обладало совершенными пропорциями и, можно сказать, было изваяно по канону Поликлета. У него были могучие руки, твердая походка, крепкая шея и спина. По всему телу его кожа была молочно-белой, но на лице белизна окрашивалась румянцем. Волосы у него были светлые и не ниспадали, как у других варваров, на спину – его голова не поросла буйно волосами, а была острижена до ушей. Была его борода рыжей или другого цвета, я сказать не

могу, ибо бритва проилась по подбородку... лучшие любой извести. Все-таки, кажется, она была рыжей. Его голубые глаза выражали волю и достоинство. Нос и ноздри... свободно выдыхали воздух: его ноздри соответствовали объему груди, а широкая грудь – ноздрям. Через нос природа дала выход его дыханию, с клокотанием вырывавшемуся из сердца. В этом муже было что-то приятное, но оно перебивалось общим впечатлением чего-то страшного. Весь облик... был суров и звероподобен – таким он казался благодаря своей величине и взору, и, думается мне, его смех был для других рычанием зверя. Таковы были душа и тело... гнев и любовь поднимались в его сердце, и обе страсти влекли его к битве...»

О, сладкие девичьи грезы! Слух о том, что доблестный рыцарь Боэмунд появился под стенами Константинополя, византийские красавицы передавали друг другу таинственным полупшепотом. Среди тех, чье сердечко трепетало, словно птичка, попавшая в силки, была и юная византийская принцесса. Романтический образ защитника Гроба Господня столь крепко запечатлелся в ее душе, что спустя многие года, описывая его в своей книге, она не упустит ни единой детали...

Впрочем, этот замечательный персонаж был всегда любим романистами и историками. Нормандец Боэмунд Тарентский, сын Роберта Гвискара, в одночасье захватившего когда-то Сицилию, потомок викингов, чьи дерзкие налеты

двумя веками раньше повергали в трепет всю Европу, он был под стать своим пращурам. Искатель приключений, отважный и жестокий, хитрый и непоколебимый духом; многие полагали и полагают, что он отправился в священный поход отнюдь не из-за природного благочестия. Впрочем, как бы то ни было, его противоречивые качества не раз окажут крестоносцам неоценимую службу. Так произошло и здесь, в Константинополе. Забыв о том, как его неустрашимый отец совсем недавно враждовал с Византией, Боэмунд без тени сомнения согласился принести императору Алексею вассальную клятву. Его товарищи по походу колебались в принятии этого решения – ведь давший клятву верности навсегда становится «человеком» своего сеньора, а это вовсе не входило в планы честолюбивых французов. Кроме того, каждый из предводителей похода уже давал клятву своему сюзерену, позже подкрепленную обетом крестоносца. Но Боэмунду подобные «высокие отношения» никогда не казались существенным препятствием. В конце концов, худой мир всегда лучше доброй ссоры – а император, как ни крути, был весьма могущественным союзником. Кроме того, Алексей располагал весьма надежным средством воздействия – в любой момент он мог сомкнуть на шее крестоносного войска «железную руку голода», прекратив поставки провизии...

Сам правитель Византии пребывал от происходящего в состоянии тихого ужаса. *«До императора дошел слух о приближении бесчисленного войска франков, – пишет Ан-*

на. — Он боялся их прихода, зная неустойчивость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры. Алексей непрестанно повторял это и никогда не ошибался. Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию, они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу».

С того времени, когда все присутствовавшие на Клермонском соборе поклялись освободить Иерусалим, до начала кампании прошел почти год. Папа Урбан II лично наблюдал за приготовлениями, обсуждая детали с Адемаром Монтейским, которого назначил своим легатом в армии крестоносцев, да с Раймундом де Сен-Жилль, графом Тулузы, самым богатым из сеньоров, участвовавших в крестовом походе. Его он видел военным руководителем всего предприятия. В желающих приобщиться к богоугодному делу недостатка не было, но Урбан все же посетил многие французские провинции. Адемар Монтейский произнес в одной из речей: «Никто из вас не сможет спастись, ежели не будет почитать бедных и помогать им. Ведь они каждодневно должны возносить молитвы Господу за ваши грехи». В ответ на это Раймунд Сен-Жилль клятвенно пообещал опла-

тить из собственной казны издержки неимущих крестоносцев.

Соборы в Руане, Анжере, Туре и Ниме поставили под знамена тысячи новых бойцов. Епископы без устали освящали кресты и оружие, а сами «воины Христовы» украшали свою одежду красными крестами из шелка или шерсти. Звание крестоносца было для них отраднo – ведь, как нам уже известно, им отпускались все прегрешения; церковь принимала под свое покровительство их семейства и имущество; они освобождались от податей и от преследования кредиторов во все продолжение похода. Он же обещал быть непривычно долгим – как правило, до того военная служба ограничивалась сроком в 40 дней, по истечении которых воин покидал поле боя. Городскому ополчению и вовсе запрещалось отходить от родных стен на расстояние, превышающее дневной переход. А тут – далекий сказочный Восток, о котором в те времена ходили легенды... Мужчины и женщины, безусые юнцы и седобородые старцы – всех равно манила зеленая ложбина меж холмов, по стенам которой раскинулся древний город Иерусалим. В нем начиналась их Вера. Там Золотые ворота, через которые вошел в город Спаситель... Там священное место, где находился Гроб Господень. Здесь оплакивали Иисуса жены-мироносицы, когда ангел, сошедший с небес, сказал им: «Что вы ищете живого среди мертвых? Его нет здесь...»

Отныне – и во веки веков – земля эта не будет принад-

лежать неверным! Эта мысль, словно яркий луч, пронзила серую пелену, многие годы застилавшую глаза и сердца христиан, измученных безысходной тоской по истинной вере – ясной и чистой, как небо над Иерусалимом...

«Рвение к пилигримству разгорелось повсюду; это сделалось единственным стремлением, единственным предметом интереса и честолюбия, – так описывает происходящее в своей „Истории Крестовых походов“ французский исследователь Жозе Мишо. – Желание посетить святые места и завоевать Восток превратилось во всеобщую страсть. Земли начали продаваться по низкой цене; ремесленники, купцы и земледельцы охладели к своим обычным занятиям и сделались безучастными ко всему, кроме крестового похода. Даже монастыри оказались не властны удержать в своих стенах их суровых обитателей; клятва жить и умереть в уединении должна была уступить силе влечения в дальние области. И странное явление! Даже воры и разбойники вытолзли на свет Божий из своих скрытых притонов и вымаливали счастье принять крест и идти искупить свои преступления в бою с врагами Иисуса Христа. Восторженное настроение крестоносцев, начавшееся во Франции, перешло оттуда в Англию, Германию, Италию и Испанию; под знаменем Креста различные западные народы слились в одном общем стремлении. Для народов, как и для отдельных личностей, не стало земли более желанной, чем Палестина; не

представлялось более славного подвига, чем крестовый поход; не утешала иная надежда, кроме освобождения Иерусалима.

В первые весенние дни 1096 года внезапно и повсеместно разгорелся порыв выступить в поход; ничто более не могло сдерживать благочестивого рвения крестоносцев.

Все звания, возрасты и сословия смешались под знаменем Креста. Дороги были усеяны отрядами, из среды которых то тут, то там раздавался возглас „Этого хочет Бог!“, слышались звуки труб и литавр и пение гимнов и псалмов. Целые семьи, забрав с собой провизию, утварь и мебель, пускались в Палестину, предавая себя провидению Того, Кто питает птиц небесных. Деревенские дети, встречая на пути город или замок, спрашивали в своем простодушном неведении: не это ли Иерусалим?»

Итак, в Святую землю двинулась стотысячная объединенная армия крестоносцев. Каждый барон привел в отряд своих людей, снарядив за свой счет; «одиночки» присоединялись к ним по пути. Средне- и северофранцузское ополчение возглавляли брат французского короля Гуго Вермандуа и герцог нормандский Роберт, сын Вильгельма Завоевателя и брат тогдашнего английского короля Вильгельма Рыжего. Южнофранцузское, или провансальское, шло во главе с Раймундом, графом Тулузским. Норманнское войско, которым командовал Боэмунд Тарентский, двинулось из Южной

Италии. Армада лотарингцев отправилась к Иерусалиму под командованием Готфруа Бульонского, который, чтобы получить средства для похода, заложил все свои владения. К нему присоединился его брат Болдуин. Причем, если Готфруа выступил в поход в одиночку, то Болдуин прихватил с собой жену – англичанку Годверу де Тони. Вскоре супруги вместе с детьми станут заложниками по требованию венгерского короля Коломана, который, памятуя о зверствах крестоносной бедноты, желал во что бы то ни стало избежать беспорядков...

Все тяготы разделит со своим мужем Раймундом и Эльвира Арагонская, происходившая из семьи испанских королей. Их крошечный сын Альфонс не вынесет похода; но вскоре в замке Мон-Пелерен на свет появится их новый отпрыск, которого назвали Альфонс-Иордан, по месту рождения и в память об умершем братике.

«...Можешь быть уверена, любимейшая, что вестник, которого я послал к тебе, оставил меня под Антиохией в добром здравии и, по милости Божьей, в великом изобилии. Вот уже 23 недели прошло, как мы вместе с избранным Войском Христовым, которое он одарил необычайной доблестью, продвигаемся постепенно к Дому Господа Нашего Иисуса. Знай же, моя любимая, что золота и серебра и других богатств теперь вдвое больше имею, чем тогда, когда при расставании любовь твоя мне пожаловала, ибо все наши предводители по общему совету всего войска

меня назначили распорядителем, интендантом войск и руководителем даже против моей воли. Вы, конечно, слышали, что после взятия города Никеи мы дали большое сражение вероломным туркам и, с помощью Господа, одолели их. Затем же мы завоевали для Господа Нашего всю Романию и Каппадокию. И узнали мы, что некий князь турков, Ассам, обретается в Каппадокии. К нему мы и направились. Все его замки мы завоевали, а его самого заставили бежать в один хорошо укрепленный замок, расположенный на высокой скале. Землю этого Ассамы мы отдали одному из наших предводителей и, чтобы он мог одержать над ним вверх, оставили с ним многих воинов Христовых. Оттуда мы гнали без конца проклятых турок и оттеснили их до середины Армении, к великой реке Евфрату. Те же, бросив свой багаж и вьючных животных на берегу, бежали за реку, в Аравию.

Однако храбрейшие из турецких воинов, попав в Сирию, поспешили ускоренным маршем, идя день и ночь с тем, чтобы войти в царственный град Антиохию перед нашим приходом. Воинство Господне, узнав про это, восхвалило милость Господа всемогущего. С великой радостью мы бросились к городу Антиохии, осадили его и там очень часто встречались с турками и семь раз с превеликой храбростью сражались под водительством Христа с обитателями Антиохии и неисчислимыми войсками, которые подошли им на подмогу, и во всех этих сражениях с помощью Господней победили и убили немалое число врагов.

Но, по правде сказать, во всех этих сражениях и в многочисленных атаках на город погибло много наших братьев, и души их с радостью устремились в рай... Всю зиму возле этого города мы страдали за Господа Нашего Христа от ужасного холода и сильных проливных дождей. Неправдой было, когда нам говорили, что невозможно будет находиться в Сирии из-за палящего солнца, ибо зима здесь во всем похожа на нашу, западную. Тогда как капеллан мой Александр на следующий день после Пасхи со всей поспешностью эти строки написал, часть наших людей, подсторожив турок, победоносно вступила с ними в бой, захватила 60 всадников, которые находились во главе армии. Конечно, немного, дражайшая, я тебе пишу о многом, а так как выразить тебе не в состоянии, что на душе, дражайшая, поручаю тебе, чтобы ты хорошо вела дела свои и обширные земли свои содержала в порядке и со своими детьми и людьми с честью, как подобает, обращалась, ведь скоро, как только смогу, ты меня увидишь. Прощай».

Это письмо граф Стефан Блуасский отправил «Адели, любимейшей супруге, дражайшим своим детям и всем верным, как старшим, так и младшим». Оно было продиктовано капеллану под стенами Антиохии в марте 1098 года – два года спустя после того, как армия христиан направилась к Святому городу. Сколько бойцов найдет свой конец во время долгой осады, сосчитать невозможно. Многие, отчаявшись, дезертируют – среди них и автор этого исполненного нежно-

сти послания. Увы, Адель совсем не будет рада внезапному появлению мужа в родовом замке на берегах Луары. Говорят, дочь Вильгельма Завоевателя осыпала его столь суровыми упреками, что тот немедля вернулся в Святую землю, где и пал смертью храбрых в одном из сражений...

Впрочем, можем ли мы, подобно графине Блуасской, упрекнуть в малодушии тех, кто долгие два года провел в изнурительном походе? Как свидетельствует хроника, лишь поначалу арабские правители, дабы удержать отряды христиан от враждебных действий, высылали им всевозможные дары – золото, пищу, бочки с водой, предлагали беспрепятственный переход через свои владения. Вскоре почти каждый шаг крестоносцы должны были брать с боем. Армия двигалась медленно. И уже в Сербии пищи стало не хватать. Почти полтора месяца воины Христовы блуждали в густом тумане по опустошенной земле – здесь повсюду царил голод. Привалы крестоносцев больше не напоминали сцен, изображенных на ковре из Байе: над огнем на перекладинах, положенных на три скрещенных копыя, кипят котлы, на длинных вертелах жарится мясо тут же забитого быка или барана. Для командиров на козлах раскладываются столы, стелятся скатерти, раскладываются миски, ложки и ножи... Спустя месяцы скитаний даже знатные вельможи готовы были оттрапезничать как рядовые бойцы – сидя на земле или на корточках. Увы, и походного «бульона», то есть куска черствого хлеба, размоченного в воде, хватало не всем. Давно опустели бочки

с вином, маслом и соленой рыбой. Отмахав в день 25 миль (примерно от 30 до 32 км), солдаты ложились спать голодными. А сельджуки, казалось, не спали никогда. Их было много, они были сильны. Султан Сулейман писал в те дни своим подданным: *«Нисколько не опасайтесь этих огромных полчищ. Придя из отдаленных краев, где солнце заходит, устав от долгого пути и трудов, выпавших на их долю, не имея лошадей, чтобы облегчить бремя войны, они даже сравниться не смогут в силе и ярости с нами, пришедшими не так давно в эти края. Вспомните к тому же, с какой легкостью мы одержали победу над этими огромными толпами, за один день уничтожив более 50 тысяч из них. Так воспряньте духом и не бойтесь более, уже завтра, в седьмом часу дня вы утешитесь, увидев себя избавленными от ваших врагов...»*

Да что там – сама природа Востока словно восстала против нашествия крестоносцев. Солнце заставляло их обливаться потом под доспехами и мучило жаждой, ветер и дождь принуждали трястись от холода. Впрочем, когда в июне 1097-го норманны Боэмунда, впереди всего войска, задыхаясь, шли к Никее, дождь показался бы им настоящей благодатью... И благодать снизошла на них – подступив к столице Анатолии, они обнаружили рядом с ней животворное озеро. А следом пришла радостная весть – султана Килиджи Арслана, недавно разгромившего войско Петра Отшельника, нет в крепости. Судя по всему, он не ждал нового наступления и находился в отлучке. Семь недель продолжалась же-

стокая осада... «Во время одного из приступов перед христианами является сарацин-гигант, который, стоя на стенах, поражает смертью одного врага за другим, но сам остается невредим от ударов; как бы желая доказать, что он ничего не боится, гигант отбрасывает свой щит, обнажает свою грудь и начинает метать в крестоносцев целыми глыбами камни; крестоносцы валятся в бессилии защитить себя. Наконец выступает Готфруа, вооруженный самострелом и в сопровождении двух оруженосцев, которые ограждают его своими щитами; мгновенно вылетает стрела, пущенная его могучей рукой; гигант, пораженный в сердце, падает мертвый на стену в виду обрадованных крестоносцев и неподвижных от страха осаждаемых», – рассказывает Жозе Мишо.

Никея распахнула-таки ворота перед крестоносцами. И, ворвавшись в город, они с изумлением узнали, что Алексей Комнин все это время вел с турецким гарнизоном секретные переговоры. В обмен на сдачу Никеи лично ему, горожанам была обещана жизнь. Возмущению «кельтов» не было предела – но пришлось вспомнить о присяге, данной императору в столице... Так Никея вновь, более чем на два века, стала византийским городом, а крестоносцы отправились дальше – на Дорилею.

Два дня пути – и вот они у моста, построенного там, где река Галл впадала в Сангарий. Здесь армия разделилась: над одной ее частью предводительствовал Готфруа Бульонский,

над другой – Боэмунд. Первое войско повернуло направо, второе – налево. Спустя еще три дня перед ним открылась долина Горгони, что неподалеку от Дорилеи. Едва молодцы успели отдохнуть, как разведчики принесли весть о приближении турок. Боэмунд дал команду готовиться к обороне. Расположение крестоносцев было вполне удачным – тыл прикрывала река Бафус, переправа через которую охранялась конницей. Наскоро соорудили вагенбург – укрепление, составленное из повозок, утыканное, словно еж, кольями от шатров. В нем собрались женщины, дети, больные. Вокруг выстроилась пехота. Две части конницы приготовились к битве, третья затаилась на соседней высоте.

Турки осыпали колонны Боэмунда градом камней и стрел, глушили «дьявольским» криком. Хитрый султан отдал приказ отступить, чтобы выманить рыцарей на равнину. Но едва те пустились в погоню, полторы сотни отчаянных сельджукских всадников развернулись и смяли христиан. И вот уже в вагенбурге началась кровавая резня – лишь прекрасных дам щадили кровожадные турки, чтобы забрать их в неволю... Герцог Нормандский, вырвав свое белоснежное шитое золотом знамя из рук человека, несшего его, сам бросился в толпу сарацин. Очевидцы описывают, как с криком «За мною, нормандцы!» – он начал «косить мечом своим кровавую жатву в неприятельских рядах»... Но слишком неравны силы. *«И уже не было у нас никакой надежды на спасение, – пишет Фульхерий из Шартра, – когда рыцари наши... как мог-*

ли, оказывали им сопротивление и часто старались наступать на них, хотя и сами испытывали сильный натиск со стороны турок...»

Несколько часов продолжалась схватка, когда вдруг тысячи голосов подхватили радостный крик: на помощь со-
брату прибыл Готфруа Больонский. С криком «Да будет Бо-
жья воля!» – вся христианская армия разом опрокинулась
на неприятеля. Строй неверных рассыпался, а рыцари пусти-
лись за ними в погоню. К вечеру все было кончено. Три ты-
сячи знатных турок и более 20 тысяч рядовых навсегда оста-
лись лежать на земле... Вражеский лагерь, расположенный в
двух милях за долиной, перешел во власть христиан, а Дори-
лейская битва (по имени города, расположенного неподале-
ку) навсегда вошла в историю как их первая крупная победа
в Святой земле.

Антиохия, или Песнь о Танкреде

Вначале 1098 года под натиском отрядов Болдуина сда-лась Эдесса – крупный армянский торговый город на пути из Сирии в Месопотамию. Собственно, турок из своей вотчины выгнали сами армяне, которым крестоносцы любезно предложили помощь в борьбе против неверных. Братья-христиане с готовностью согласились на этот союз, а князь Эдессы Торос на радостях даже усыновил Болдуина, объявив его единственным наследником. Торжественную церемонию описывает Альберт Ахенский: князь Торос *«прижал его к своей обнаженной груди и затем, обвязав лежавшей поблизости одеждой, обнял его, и так, повязавшись, оба поклялись друг другу в верности»*.

Впрочем, верность эта выражалась весьма своеобразно. Не прошло и месяца, как благодарный пасынок примкнул к заговору местной аристократии, в результате которого «коварные и злоумышленные люди» учинили над Торосом расправу: *«в мгновение ока его пронзили тысячи стрел, и он был убит...»*

Гийом Тирский обнаруживает, что руки юного Болдуина Бульонского поражены проказой

На трон Урхи уселся Болдуин. Так было заложено первое на Востоке государство крестоносцев – Эдесское графство. Второе – Антиохийское княжество – возникнет через несколько месяцев. Год, проведенный крестоносцами под стенами Антиохии (с октября 1097-го по ноябрь 1098-го) –

целая эпоха в истории Крестовых походов...

«...Христианская армия перешла на левую сторону Оронта; направо от него было озеро Бар-эль-Абиад (Белое море); путь, по которому она направилась, называемый у летописцев царским путем, проходит по долине, не имеющей ни одного деревца, – пишет Жозе Мишо. – Пурпуровые и золотые хоругви развевались на воздухе; позолоченные щиты, каски и кирасы блестели на солнце и неслись вперед, как лучезарное пламя; 600 тысяч крестоносцев покрывали долину Умк, которая известна теперь только алеппскому каравану да туркменскому всаднику...

Еще четыре часа пути, и перед армией франков должна была открыться столица Сирии. Воздям известны были грозные укрепления Антиохии; архиепископ Адемар, желая подготовить крестоносцев и придать им бодрости, рассудил не оставлять их в неведении того, что им предстояло осаждать страшный город, стены которого „были выстроены из каменных глыб огромного размера, скрепленных между собою неизвестным и неразрушимым цементом“...»

Антиохия и впрямь казалась неприступной. Высокие стены защищали ее по всей окружности; с юга возвышались четыре естественных холма; с севера протекала река. 130 башен оцетинились 24 тысячами зубцов. Уже 14 лет в городе хозяйничали мусульмане. Прослышав о приближении латинян, его правитель, туркменский эмир Башзиам заперся в

крепости с огромным войском – почти 10 тысяч всадников и вдвое больше пехотинцев. Для того чтобы взять штурмом столь грозную цитадель, поистине нужна была помощь Всевышнего – и, с точки зрения очевидцев, именно она определила исход этого великого противостояния. Как повествует аноним, *«франки осаждали этот город в течение восьми месяцев и одного дня»*, потом сами были осаждены турками, и все-таки, *«с помощью Бога и святого Гроба они были побеждены христианами»*. Впрочем, судя по свидетельству хронистов, чудес хватало на протяжении всего Первого крестового похода. В «Истории франков, которые взяли Иерусалим» Раймунда Ажильского их описания занимают четвертую часть всего повествования. Но больше половины из них произошли именно под стенами Антиохии.

Гюстав Доре. «Сражение под Антиохией»

Осада началась на пороге зимы. Крестonosцы обложили крепость с трех сторон: с востока, с северо-востока и с севера. С юга к городу подступали горы. *«Какое величественное зрелище представляло это громадное множество палаток, эти многочисленные вооруженные легионы и вся эта масса народа, прибывшего с Запада! Какая грозная сила!»* – восхищается хронист. И хотя из 600 тысяч человек лишь половина была способна воевать, осаждавшие были уверены, что ужас подвигнет гарнизон открыть ворота. Потому-то, как пишет Мишо, они *«...предавались бездействию; осенняя пора доставляла им обильную пищу; зеленеющие берега Оронта, рощицы Дафны, прекрасное сирийское небо располагали их к удовольствиям; беспорядок и бесчинство появились среди христовых воинов»*.

Однако враг не дремал, и в результате турецких вылазок множество пилигримов оказалось в плену. Только тут у латинян появилась решимость взять город приступом. Увы, без осадных лестниц и боевых машин это было невозможно. Делали, что могли: соорудили дамбу на ладьях, чтобы преградить мусульманам путь на противоположный берег, завалили все возможные проходы, разрушили мост через болото, напротив Собачьих ворот, через который защитники выходили из крепости. Удалось даже возвести там огромную башню – впрочем, неприятель вскоре сжег ее дотла. Тогда пилигримы волоком притащили к самым воротам громадные каменные глыбы и толстые деревья, срубленные в ближних

лесах.

«...Между тем отважные рыцари бодрствовали вокруг лагеря. Танкред, подстерегавший врагов в засаде, напал однажды на шайку сарацин, и 70 голов скатились под его ударами. В другой раз Танкред, прохаживаясь по окрестностям с одним только оруженосцем, познакомил множество сарацин с непреодолимой мощью своего меча, но, движимый поразительной героической скромностью, явный рыцарь приказал своему оруженосцу никому не рассказывать о подвигах, которым тот был свидетелем».

Многие знаменитые картины французского живописца Никола Пуссена написаны по мотивам поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Но не сама история славных походов рыцарей-крестоносцев в Палестину занимала художника – его полотна прославляют любовь... Что ж – свидетельств великой рыцарской любви история сохранила немало. Одна гласит, как во время похода Танкред взял в плен прекрасную Эрмению, царскую дочь и волшебницу. Девушка полюбила великодушного рыцаря. Узнав о том, что во время боя он ранен мавром, она поспешила к нему. Танкред победил – но истекал кровью... И тогда Эрмения, отрезав кинжалом свои роскошные волосы, обладающие волшебной силой, перевязала его раны... Этот момент и запечатлел живописец. Золотистые отблески лежат на железных доспехах рыцаря и его белоснежной рубашке; предзакатным

солнцем освещена фигура белого коня. Великолепная картина была в 1766 году приобретена в Париже для Екатерины II...

Никола Пуссен. «Танкред и Эрминия»

Скорее всего, история любви Эрминии и Танкреда – не более чем красивая легенда. Впрочем, вся жизнь этого «рыцаря без страха и упрека» напоминала легенду. Вот как описывает его в своем очерке «Танкред, рыцарь Креста» Александр Деревницкий:

«Он был молод – недавно вступил в свой третий десяток. По черному полю его щита полз моллюск с витым панцирем. Это означало, что благородный

хозяин щита своей судьбой избрал земные странствия. Но над раковиной на гербе был изображен меч, острием обращенный в правую сторону, а на нем лежал крест. Меч, служащий правому делу Креста? Да, так оно и было, и смысл герба подтверждался вязью девиза: „Мечом и Крестом пишу славу свою“.

Танкред был одет в легкий франкский полудоспех, из-под которого выглядывал подол промокнувшей от пота кожаной рубахи. Искривленный, как у многих забияк, нос, голубые глаза, белые кудри и ржавая борода – нормандская кровь!»

Говорят, услышав о гибели отца, пятилетний Танкред не проронил ни слезинки. Он лишь сильнее сжал рукоять игрусечного меча. А еще рассказывают, что, став пажом своего дяди Боэмунда, смысленный мальчик не слишком долго задержался на этой ступени. Сделавшись самым молодым оруженосцем в стране, он начал готовиться к миссии рыцаря. Лихо скакал на коне, легко попадал «в яблочко» из лука и из арбалета, фехтовал, переплывал бурную реку, дрался «на кулачках»... Он настолько преуспел, что в нарушение всех правил дядя решил посвятить его в рыцари еще до совершеннолетия.

«...Смешливые молодые служанки уже искупали смущенного новика в благоухающем чане, сплошь засыпанном лепестками роз. Затем замковый аббат Эжен Мартелльер уложил Танкреда на убранный конец трапезного стола и покрыл его, одетого в белый саван,

черным погребальным покрывалом – в знак того, что новик закончил свою прежнюю жизнь, что он навсегда прощается с ней и с прежним собой. Затем аббат-богатырь повел юношу в капеллу на „ночную стражу“, где он должен был провести ночь в молитве пред мечом, которым ему завтра предстояло опоясать свои чресла.

Загремел, закрываясь, запор маленькой часовни в полуподвале главной башни, и Танкред остался один перед мечом, воткнутым острием между туфовыми плитами пола перед алтарем, неверно освещенного дрожащими огнями семисвечника. На рукояти меча молодым железом мастера Маллеори горело распятие, над головой слышался шорох и писк летучих мышей, в узкие бойницы и прорехи старинных витражей врывался соленый ветер Средиземноморья. Будущий рыцарь преклонил голову и колени...

Утром ему подвязали золотые шпоры – о, триумф его трудов, триумф его учебы! Боэмунд собственноручно произвел аларе – троекратный ритуальный удар клинком по плечу. Епископ Апулии освятил меч, перекрестил Танкреда распятием и произнес старческим фальцетом:

– Прими меч сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Употребляй его на защиту свою и защиту святой Церкви Божией, на погибель супостата и врагов Креста Господня и Веры христианской, и, насколько возможно то для немощи человеческой, да не рази им без справедливости...»

Боевое крещение в Заморье (так нередко называли Свя-

тую землю) новоиспеченный рыцарь получил под Никеей. Здесь его отряд впервые встретился не с турнирным – с настоящим врагом. Он наголову разбил легкую мусульманскую конницу, велел своим пехотинцам воткнуть в землю остро-зубые копыя и наклонить их в сторону врага... Но настоящим героем Танкред стал под Антиохией. Он, правда, оказался там в плену – об этой замечательной истории писали многие хронисты. Как-то он попросил своих тюремщиков отпустить его на один вечер, пообещав вернуться на рассвете следующего дня. Неведомо почему, его отпустили, ни на минуту не веря, что сдержит слово. Каково же было изумление сельджуков, когда утром они увидели Танкреда! А день спустя он по-настоящему бежал из крепости, да еще притащил с собой на веревке брата антиохийского эмира. Славный подарок ко дню ангела его дяди Боэмунда – того самого, что когда-то взял его в пажи, а позже заставил учащенно биться сердце девицы Анны Комниной...

И вот оба они – и дядя, и племянник – уже под Антиохией. Началась зима, а с нею пришел голод; подмокшие палатки не спасали от ветра. После Рождества большой отряд под предводительством Боэмунда и Роберта Фландрского отправился на промысел в область Харим, что в нескольких милях от Антиохии. Но и раздобытые ими съестные припасы скоро подошли к концу, а новые набеги оказались бесплодны. Свежие могилы появлялись каждый день – говорят, чтобы отпевать умерших, не хватало священников. Вот как описывают

осаждавших летописцы: бледные изможденные люди в лохмотьях (почти что тени!) выкапывают острием оружия корни растений и вырывают дикие травы у животных... Впрочем, почти все боевые кони уже пали. Из 70 тысяч едва ли осталось две, «...и те еле-еле бродили вокруг палаток, истлевших от зимних дождей». Некоторую твердость духа сохраняли лишь дамы, сопровождавшие бойцов: «...*Наши женщины были нам великой подмогой, принося питьевую воду и, не прекращая, подвигая на битву...*» – напишет аноним.

Именно в эти мрачные дни и бежал к своей возлюбленной Адели Стефан Блуасский. Надо сказать, в стремлении вернуться на родину он был не одинок. Так, герцог Нормандский, отбывший в Лаодикею, возвратился в лагерь лишь после трех убедительных призывов во имя Всевышнего. Нашего старого знакомого Петра Отшельника доблестный Танкред поймал буквально за шиворот – и силой заставил остаться. Бесславно дезертировал и византийский военачальник Татикий, «человек с золотым носом» (как пишет Гвиберт Ножанский, у него был отрезан нос, взамен которого он носил муляж, выкованный из золота). Анна Комнина сообщает, что ее отец послал армию Татикия с крестоносцами, «*чтобы она во всем помогала латинянам, делила с ними все опасности и принимала, если Бог это пошлет, взятые города*»...

Но за зимой всегда приходит весна. Начавшее пригревать солнышко, как свидетельствует Мишо: «...*оживило надеж-*

ды христианского воинства; болезни уменьшились; в лагерь доставлялось продовольствие от графа Эдесского, от князей и монахов армянских, с островов Кипра, Хиоса и Родоса. Готфруа, который по случаю опасной раны долго не мог выходить из палатки, явился наконец в лагерь, и присутствие его произвело оживление среди общего упадка духа. В это время прибыли в христианский лагерь послы от египетского халифа. Христиане, желая скрыть от врагов-мусульман свое бедственное положение, постарались окружить великолепием свою обстановку и выказывали веселое настроение духа. Послы предложили им содействие халифа на том условии, чтобы христианское войско ограничилось простым поклонением гробу Иисуса Христа. Франкские воины отвечали, что они пришли в Азию не для того, чтобы подчиняться каким-либо условиям, но что целью их путешествия в Иерусалим было освобождение священного города. Почти в это же время Боэмунд и Роберт Фландрский одержали победу над князьями Алеппским, Дамасским, Шайзарским, Эмесским, которые выступили в путь на помощь Антиохии.

Крестоносцы не скрыли и этого последнего торжества от каирских послов, готовых к отплытию из порта св. Симеона; на четырех верблюдах были препровождены к ним головы и останки 200 мусульманских воинов».

По весне в порт Святого Симеона прибыла очередная партия пилигримов. На пути от моря в лагерь эта толпа была настигнута мусульманами. Около тысячи христиан пало от

их кривых мечей, и остальных постигла бы та же участь, не подоспей на помощь все тот же вездесущий Готфруа Бульонский. Неприятель рванулся к мосту, чтобы укрыться в крепости, но христиане, успев перекрыть эту дорогу, стиснули их в кольцо между Оронтом и горами. Башзиан, наблюдавший из башни дворца за ходом схватки, тут же выслал подкрепление и приказал затворить за воинами ворота: они должны победить или умереть. Избиение неверных описано в летописях очевидцев с поистине кошмарными подробностями – утверждают, само течение Оронта остановилось из-за загромодивших его трупов...

На холме, который и по сей день служит для мусульман кладбищем, крестоносцы выстроили укрепление. С этой стороны «мышеловка захлопнулась» – но в распоряжении осажденных были еще одни, западные ворота, через которые они могли получать продовольствие. Здесь пока не ступала нога крестоносца. Посоветовавшись, решили соорудить укрепление и здесь – но, поскольку это дело было сопряжено с большой опасностью, все отказывались братья за него. Тогда вперед выступил неутомимый Танкред. У прославленного рыцаря не хватало денег, и остальные вожди охотно «сбросились» на столь богоугодное предприятие. На холмике подле ворот св. Георгия высился монастырь, который Танкред и приказал укрепить. 7 марта здесь было отмечено очередное чудо, благодаря которому 60 крестоносцев, как рассказывает Раймунд Ажилский, выстояли против семи ты-

сяч неверных. *«Еще удивительнее то, что в течение предшествующих дней лил страшный ливень, который размыл почву и заполнил ров вокруг нового укрепления».* Впрочем, утверждает хронист, *«врагам помешала вовсе не распутица, а единственно всемогущество Божье».*

А почему бы и нет? Ведь, судя по рассказам хронистов, Всевышний сопровождал крестоносцев даже в такие места, куда, по определению, принято ходить в одиночку. Как-то в жаркие июньские дни все тот же Танкред мучился желудком. Отправившись со своими воинами на поиски леса для сооружения осадных машин, он вынужден был в очередной раз уединиться. Случайно повернув голову, рыцарь обнаружил неподалеку от того места, где он сидел на корточках, четыре длинных ствола. Судя по всему, они ранее уже кем-то использовались, поскольку были очищены от коры и веток. Танкред, как пишет его историограф Рауль Каэнский, не поверил *«ни себе, ни глазам своим».* Да и в глазах всего воинства это было настоящим чудом Божиим: *«Чудо – то, что я сейчас поведаю! Кто иной, кроме Бога, который заставляет воду течь из камня, заговорить ослицу, создает все из ничего, кто, как не он, даже в болезни, обессиливавшей рыцаря, нашел средство излечить войско... превратив гнусную болезнь в некое лекарство, более драгоценное, чем самый драгоценный из металлов!»*

Теперь на осадных работах денно и нощно трудились все – даже толпы нищих и разбойников, объединенные под ко-

мандованием так называемого «царя отребья». Христиане полностью контролировали внешнюю сторону крепости; но то, что творилось внутри, было поистине ужасно. Ярость турок обрушилась на беззащитных пленников. Одного из них, Раймунда Порте, вывели на городские укрепления, чтобы он убедил товарищей заплатить за него выкуп. Отважный рыцарь попросил смотреть на него как на человека, которого уже нет среди живых, и не жертвовать ничем ради его спасения. Услышав это, правитель Антиохии потребовал, чтобы Раймунд немедленно принял ислам, обещая ему за это всевозможные почести. Присутствующие замерли, когда вместо ответа тот, скрестив руки, встал на колени – и голова скатилась со стены... В тот же день остальные пленники были сожжены на костре.

И все же, после семи месяцев мучений, Антиохия была покорена. «Ключи от города» добыл для крестоносцев не кто иной, как Бозмунд. Как-то раз он случайно познакомился с антиохийским армянином по имени Фирруз – сын богатого ремесленника, он лишь недавно перешел из христианства в ислам, чтобы поправить дела. Фирруз отвечал за защиту трех городских башен, но, судя по всему, заманчивые посулы князя Тарентского не оставили его равнодушным. Впрочем, возможно, дело отнюдь не в корысти, а в божьем промысле. Во всяком случае, армянин поведал, что ему во сне явился Иисус Христос и повелел предать Антиохию в руки христиан.

«Когда Бозмунд условился с Фиррузом, каким образом исполнить задуманное ими предприятие, он предложил обратиться главным предводителям христианской армии; он представил им все бедствия, которые они уже вынесли, и те, которые угрожали им в будущем, и заключил словами, что совершенно необходимо войти в Антиохию, что не следует быть разборчивыми в средствах для одержания этой победы. Многие вожди поняли тайное побуждение, которым руководствовался Бозмунд, и возразили ему, что несправедливо было бы допустить, чтобы один человек воспользовался общими трудами; восстали и против того, чтобы овладеть крепостью посредством какой-нибудь уловки или коварства, изобретением которых свойственно протавляться женищинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.